

К ВОПРОСУ ОБ ИОАННИТСКОМ ДВИЖЕНИИ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВОЗНИКНОВЕНИИ В КОНЦЕ 1920-Х ГГ. КАТАКОМБНОГО ТЕЧЕНИЯ «АРХИЕПИСКОПА» АГАФАНГЕЛА (САДОВСКОВА)

Н. П. Зими́на

В статье рассмотрена история иоаннитского движения в дореволюционный период и первое десятилетие после революции. Проведен анализ острой внутрицерковной дискуссии по поводу определения и идейного происхождения иоаннитства. Изучена позиция иоаннитов в отношении внутрицерковных коллизий 1920-х гг. Установлен факт хиротонии епископами из «непоминающих» архиерея для иоаннитов. Показано, что сформировавшееся в результате автономное иоаннитское течение «архиепископа» Агафангела (Садовскова) стало частью катакомбного движения в СССР.

Иоаннитство представляло собой сложное и неоднозначное явление в духовной жизни России. Его можно определить как народное религиозное движение с эсхатологической идеологией и аскетической практикой, возникшее на рубеже XIX–XX вв. в связи с особым почитанием протоиерея Андреевского собора в Кронштадте Иоанна Сергиева (Кронштадтского), его проповедью о приближении Страшного Суда и призывом к сугубому покаянию в преддверии страшных бедствий, ожидающих Россию за отступление от веры. Иоанниты проповедовали скорое наступление конца мира, в ожидании которого они создавали особые общины по типу монашеских, стремясь возродить в них дух ревности о вере апостольского времени. Однако внутренне иоаннитское движение являлось крайне неоднородным и включало в себя как строго православных почитателей отца Иоанна Кронштадтского, так и догматически неграмотных простых людей, среди которых получило распространение серьезное искажение православной догматики, связанное с обожествлением о. Иоанна, почитанием его «воплотившимся Христом», признанием некоторых из его последователей пророками и пророчицами, богородицами и т. п.

Местом зарождения в иоаннитстве сектантского течения явился г. Кронштадт, который с 1880-х гг. стал центром паломничества к о. Иоанну. С 1885 г. некоторые из его почитателей начали снимать дома вблизи Андреевского собора, чтобы давать паломникам временный приют, устраивать их встречи с кронштадтским пастырем и принимать для него пожертвования. Быт в этих домах был монастырским, поскольку паломники готовились к исповеди и св. При-

частью: женщины жили отдельно от мужчин, пища предлагалась постная. Среди «странноприимных квартир» вниманием о. Иоанна особенно пользовались дома А. М. Быкова и Борисова, куда почти ежедневно по приглашению содержателей В. Ф. Пустошкина и Н. И. Большакова он приходил служить молебны с водосвятием, читать акафисты и беседовать с каждым из паломников. К началу 1890-х гг. часть жильцов находилась в этих домах уже постоянно, полностью порвав связь с миром и желая спастись около кронштадтского пастыря. Таким образом появились первые общины иоаннитов, среди которых в условиях бытовавших у простого народа суеверий возникло неправославное учение о личности Иоанна Кронштадтского. Первые публичные проявления этого учения обнаружены в 1892 г., когда крестьянин Владимир Кодратов (Кондратов) из деревни Луги Гдовского уезда, побывавши несколько раз у о. Иоанна на общей исповеди, стал учить о нем как о Христе и Спасителе мира. Поскольку эта проповедь нашла последователей, то митрополит Исидор (Никольский) посылал самого протоиерея Иоанна Сергиева лично вразумить Кодратова¹. Проведенный в сентябре того же года по просьбе отца Иоанна опрос обитателей странноприимного дома В. Ф. Пустошкина показал, что из 28 опрошенных 16 почитали кронштадтского пастыря за Иисуса Христа; проведенный в мае 1898 г. повторный опрос группы иоаннитов, постоянно проживающих в Кронштадте, обнаружил, что уже все опрошенные почитают отца Иоанна Кронштадтского за самого Господа Иисуса Христа, творца и судию мира².

К середине 1890-х гг. в Кронштадте сложилась руководящая группа иоаннитов-сектантов. Центральное место в ней занимала кронштадтская мешанка Порфирия (по другим данным, Матрена) Ивановна Киселева, с 1895 г. проживавшая в Ораниенбауме в окружении общины «черничек» — женщин, ведущих монашеский образ жизни. К «матушке Порфирии» стали приходиться богомольцы после посещения о. Иоанна Кронштадтского — за вторым благословением, как к благочестивой, прозорливой старице святой жизни. Имелись многочисленные свидетельства, что Киселеву именовали «богородицей». Главными ее сподвижниками являлись: содержатель кронштадтского странноприимного дома Василий Федорович Пустошкин, из крестьян Ярославской губернии, именованный среди иоаннитов «пророком Илией»; новгородский крестьянин Назарий Дмитриевич Дмитриев («старец Назарий»), которого признавали за св. Иоанна Богослова; купец Михаил Иванович Петров, из крестьян Ростовского уезда Ярославской губернии, почитаемый за «архангела Михаила»; крестьянка Новгородской губернии Екатерина Федоровна Коргачева, бывшая «зазывалкой» в одной из квартир для паломников в Кронштадте, затем ставшая у иоаннитов «мироносицей Саломеей»³.

¹ См.: *Ремезов М., свящ.* Иоанниты, их лжеучение и борьба с ними: (Реферат, читанный на съезде миссионеров Донской епархии в октябре 1911 г. в Новочеркасске) // Миссионерское обозрение. 1912. № 6. С. 334–335; *Ростовский А. О.* Иоанн Кронштадтский как миссионер // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 51–52. С. 2412–2417.

² См.: *И. С.* Секта иоаннитов. (По литературным и архивным материалам) // Миссионерское обозрение. 1910. № 7–8. С. 1134–1136, 1139.

³ См.: *Ремезов М., свящ.* Указ. соч. С. 335; *Скворцов В. М.* Миссионерский посох. СПб., 1912. С. 230.

В начале XX в. иоаннитское движение принимало все более широкие масштабы. Странствуя по России, иоанниты проповедовали о близком конце мира, приближении Страшного Суда, призывали ради спасения души больше молиться и ехать в Кронштадт к «дорогому батюшке», чтобы причаститься из его рук, занимались продажей портретов о. Иоанна Кронштадтского, его проповедей, рукописных духовных стихов и пр. Иоанниты-сектанты выделялись крайностями в своем поведении и проповеди: прямым обожествлением почитаемого ими протоиерея, призывами немедленно оставлять семьи, бросать жен и детей, распродавать имущество и вступать в кронштадтскую иоаннитскую общину. Сведения о возникновении особой группы почитателей кронштадтского пастыря и ее официальное определение как секты, «последователи которой проповедуют, что протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Ильич Сергиев есть воплощение самого Божества и что ему нужно воздавать божеское поклонение и почитание», получили отражение во «Всеподданнейшем отчете обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1901 г.»⁴. К 1902 г. относились первые сведения о появлении ячеек иоаннитов в других местностях России (Новгородской, Костромской, Ярославской губерний) и о распространении сектантских рукописей.

Новый этап в истории иоаннитского движения наступил в связи с дарованной императорским манифестом 17 октября 1905 г. свободой слова и принятием закона о свободе печати, что дало возможность кронштадтским иоаннитам развернуть масштабную издательскую деятельность. Ее основными задачами являлись: пропаганда учения среди простого народа, распространение проповедей о. Иоанна Кронштадтского, обличение Льва Толстого как еретика и «антихриста», призыв к покаянию и нравственному возрождению, опровержение мнения об иоаннитстве как о секте, организованной религиозными мошенниками. Главным органом иоаннитов стал еженедельный журнал «Кронштадтский маяк», учрежденный в апреле 1906 г. в Санкт-Петербурге; вокруг его редакции сплотилась значительная группа идеологов и организаторов иоаннитского движения. С 1906 по 1911 г. редакция издавала массовыми тиражами многочисленные бесплатные приложения к журналу в виде книг и брошюр религиозно-нравственного содержания. С октября 1909 по 1917 г. иоанниты выпускали также ежедневную литературно-политическую и общественную газету «Гроза». Составителями большинства публикуемых материалов являлись В. Ф. Пустошкин, Н. Большаков и И. Алексеев.

Иоаннитские издания развозили и разносили по всей России сотни книгонош, действовавшие под видом странников. Они переходили из селения в селение, продавая брошюры и книги, портреты о. Иоанна и пр. и занимаясь распространением иоаннитского учения. Книгоноши играли также роль живого связующего звена между центром — редакцией «Кронштадтского маяка» и местными иоаннитскими общинами, которые поддерживали тесные связи с Кронштадтом и подчинялись В. Ф. Пустошкину. Руководители иоаннитства придали движению четкую организацию, создав сеть общин монашеского типа по всей Рос-

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 197–198.

сии. Члены общин выполняли разные послушания, но главное — занимались проповедью, вербовкой последователей, торговлей иоаннитской продукцией и сбором пожертвований. По мнению дореволюционных миссионеров, «ни одна из известных в истории хлыстовских общин не имела такого тонко организованного — для мошеннической эксплуатации темного люда — и сплоченного сообщества, как иоаннитство»⁵. Последнее фактически объединяло в себе черты религиозного движения и коммерческого проекта.

Пожертвования собирались по всей России: «для передачи о. Иоанну Кронштадтскому», «на проскомидию у о. Иоанна», «на коляску ему», «на новую рясу», на содержание приютов, домов трудолюбия, а иногда на свечу ко Гробу Господню и др. В иоаннитские общины поступали и деньги, вырученные от продажи имущества теми лицами, которые верили проповеди о скором конце света. Большой доход приносила торговля печатной продукцией, портретами, медальонами с изображением о. Иоанна Кронштадтского, а также и «богородицы» Порфирии, крестиками, серебряными колечками, листовками с проповедями о. Иоанна, веночками из цветов, поясками, ладанками и т. п. По данным на конец 1909 г., мастерские живописи, где писали портреты Иоанна Кронштадтского, и мастерские по изготовлению венков из цветов действовали в Санкт-Петербурге, Москве, Перми, Костроме, Курске, Сормово⁶. Полученные громадные средства шли на организационную и издательскую деятельность, на содержание странноприимных домов в Кронштадте, на приобретение домов в разных губерниях для устройства новых общин, на открытие детских приютов; часть средств действительно передавалась о. Иоанну Кронштадтскому на поддержание дома трудолюбия, строительство храмов и монастырей. В добывании денежных средств иоанниты-сектанты нередко прибегали к прямому обману и мошенничеству, в результате многочисленных скандалов их деятельность постоянно находилась в поле зрения полиции.

О. Иоанн Кронштадтский многократно устно в храмах и печатно разъяснял, что распространяемое сектантами учение неправославно и никакого отношения к его проповедям не имеет, как не имеет отношения к нему и коммерческая деятельность иоаннитов. Так, летом 1907 г. он обратился в одну из редакций со следующим заявлением: «Пройдохи странники, рассеявшись по разным городам и селам, смущают простодушных крестьян рассказами, будто бы от меня слышанными, что скоро Страшный Суд будет, что скорее надо заботиться о своих душах и отлагать все житейские попечения, надо продавать имения и отдавать деньги им, проходимцам, как бы для вручения мне — для нищих. При этом они внушают доверчивым, что нужно ехать в Кронштадт, ибо там только можно будто бы получить спасение. Из многих местностей я получал подобные заявления от благочинных и простых священников и отписывался им, что я ничего общего с такими пройдохами не имею и никого из них никогда не просил помогать мне

⁵Характер догмы и культа иоаннитского сообщества // Миссионерское обозрение. 1910. № 11. С. 1849.

⁶См.: К. И. Н. Знаменательное прошение представителей «иоаннитства» на имя высокопреосвященнейшего митрополита Антония [Вадковского] // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 51–52. С. 2432.

материально и не просил собирать ни с кого не только рублей, но и копеек, зная, что лучше давать, нежели принимать»⁷. В декабре 1907 г. на запрос об иоаннитах съезда духовенства одного из благочиннических округов Вятской епархии отец Иоанн ответил: «Имею честь немедленно ответить достопочтенному съезду моей возлюбленной о Христе братии, что я не имею никакой солидарности или общения с теми проходимцами, которые появились среди ваших пасомых и, злоупотребляя моим именем, учат народ тому, чему я не учил их, и обирают от моего имени народ православный. Говорю это по священнической моей совести и прошу поступать по закону с этими пройдохами, смущающими народную совесть и разоряющими бедных поселян»⁸.

Тем не менее проповедь иоаннитов и действительно строгая аскетическая жизнь в их общинах вызвала живой отклик в народе. «Нервное состояние общества» в 1906–1907 гг., по образному выражению современника, также способствовало успешности пропаганды о скором наступлении кончины мира и о Страшном Суде. Народ по местам (Харьковская, Киевская, Уфимская, Вологодская и др. губернии) был так запуган, что многие продавали дома со всем имуществом, деньги приносили «архангелам»-книгоношам для «перевода дорогому батюшке» и под их руководством отправлялись в Кронштадт⁹. В Кронштадте они начинали новую жизнь в иоаннитской общине, выполняя послушание, даваемое «отцом Василием» — В. Ф. Пустошкиным: мужчины, в свою очередь, направлялись книгоношами по разным уголкам России, а женщины становились зазывалками, прислужой странноприимных домов, изготавливали веночки в мастерских, попрошайничали и пр.

Главное положение учения иоаннитов-сектантов состояло в обожествлении о. Иоанна Кронштадтского, который якобы есть Иисус Христос во втором Его пришествии. Это учение позволяло отнести иоаннитство к мистическим сектам, основным признаком которых является человекообожение; ряд миссионеров считали его даже родственным хлыстовству. В то же время в иоаннитских брошюрах с догматически еретическими утверждениями соседствовали вполне православные выражения о святости о. Иоанна как благочестивого пастыря. Иоанниты-сектанты создали свою иерархию «Церкви торжествующей», в состав которой, в отличие от хлыстов, входили главным образом библейские персонажи, связанные с событиями второго пришествия Христова («архангел Михаил», «пророки Енох и Илия», «св. Иоанн Богослов»). Руководители сектантских общин учили о себе, что они являются избранниками Божиими, носителями Святого Духа, обладателями всех Его даров, даже чрезвычайных, и назывались апостолами, пророками и пророчицами.

Важнейшим положением проповеди всех иоаннитов являлось скорое наступление конца мира и Страшного Суда. Об этом, по мнению иоаннитов, свидетельствовали многие признаки, открытые в Священном Писании: Евангелие

⁷ Русский паломник. 1907. № 20. С. 318.

⁸ Всемирная панорама. 1909. № 19. С. 8–9.

⁹ См.: Айвазов И. Харьковское сектантство в начале 1908 года // Миссионерское обозрение. 1908. № 6. С. 926; Вологодские иоанниты // Миссионерское обозрение. 1911. № 2. С. 348–358; Ремезов М., свящ. Указ. соч. С. 337–338.

уже проповедано всем народам (живущим в России); антихрист уже воцарился на земле — это граф Лев Толстой, учение которого ревностно обличал Иоанн Кронштадтский; в мир явились предтечи второго пришествия Христа, которые живут и действуют «в духе» (духовно, невидимо), — Илия и Енох (Пустошкин и Большаков). В ожидании Страшного Суда иоанниты призывали вести строго аскетическую жизнь. Мужчины и женщины в их общинах жили в одном доме, но раздельно, супружеские отношения не допускались. Члены общин избегали развлечений и удовольствий, не посещали увеселений, не играли в карты, отличались трезвостью, не курили, не сквернословили. Иоанниты соблюдали все посты, а мясную пищу не употребляли вовсе, считая ее скверной; в укоризну православным любили повторять: «Мясо едите, тело тешите, а душу губите». Во время трапезы читалась Псалтирь или жития святых. Иоанниты не отрицали таинства брака, но утверждали, что супружеская жизнь есть нечто греховное, даже блуд, и призывали к целомудрию. Однако при этом в некоторых общинах имели место случаи т. н. «духовного сожительства», т. е. внебрачные связи между «сестрами» и «братьями» или между руководителем общины и «сестрами» (Санкт-Петербург, Донская, Забайкальская и другие епархии)¹⁰.

Иоанниты регулярно посещали православные храмы, участвовали в богослужениях, исповедовались и не реже 12 раз в год причащались. При этом к духовенству они относились настороженно, считая его зараженным толстовством и отошедшим от истин святоотеческого аскетического православия. Наиболее радикально настроенные иоанниты-сектанты даже учили, что существует две Церкви — языческая и православная, и к последней принадлежат только иоанниты. Проповедовавший в Херсонской епархии А. Чернов доходил до утверждения, что Православная Церковь — это ад и спастись в ней нельзя. Однако большинство иоаннитских общин мыслили себя внутри церковной ограды и не порывали связи с православием, обличая среди священства лишь «прогрессистов», «либералов» и «толстовцев».

Кроме храмовых богослужений иоанниты практиковали отдельные моления, где помимо положенных Церковью молитв ежедневно читали акафисты Спасителю, Божией Матери и святым угодникам Божиим, покаянный канон, пели богослужебные песнопения, стихи и канты, посвященные Иоанну Кронштадтскому, а также Порфирии и другим почитаемым ими лицам; читали и обсуждали проповеди о. Иоанна. В молитвенных помещениях иоаннитов в переднем углу помимо икон имелось несколько изображений Иоанна Кронштадтского, «богородицы» Порфирии Киселевой, «старца Назария». Эти домашние моления не имели никакого сходства с культом хлыстов, у иоаннитов не было и радений типа хлыстовских. Кроме совместных богослужений члены общины молились келейно, вычитывая протяженные молитвенные правила с большим числом поклонов, согласно церковному уставу. Отдельные молитвенные собрания иоанниты объясняли тем, что «они собираются по примеру апостолов и других членов первенствующей Церкви и что на собраниях ничего худого не де-

¹⁰ См.: *Скворцов В. М.* Указ. соч. С. 230; *Ремезов М., свящ.* Указ. соч. С. 341; О секте иоаннитов // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1747, 1751; *Иванов И., диакон.* Хлысты-киселевцы в Забайкальской епархии // Миссионерское обозрение. 1914. № 7–8. С. 588.

лают, а назидают себя, по заповеди апостолов, псалмами, славословиями и песнями духовными», желая в своей религиозной жизни «восстановить тот порядок церковной жизни, какой был при апостолах»¹¹. По-видимому, не в хлыстовском смысле, а в стремлении к подражанию устройству первохристианских общин руководители общин иоаннитов и усваивали себе именование «апостолов», «профоров», «пророчиц» и пр.¹²

С 1902 г. появились сведения об «иоаннитском причастии». Утверждалось, что на ночных собраниях кронштадтских иоаннитов наставник Скоробогатченков брал просфору и чашу с вином, подносил их к портрету Иоанна Кронштадтского и говорил: «Ты, Господи, в отце Иоанне, Ты все знаешь и видишь, претвори просфору в тело Христово, а вино в кровь Христову»; после этого он исповедовался сам, исповедовал девиц, причащался сам и давал ложечкой причастие всем остальным¹³; так же «причащали» своих последователей В. Ф. Пустошкин, А. Чернов и другие, используя при этом или Святые Дары, которые о. Иоанн Кронштадтский якобы дал кому-то из иоаннитов, или просфоры. Однако миссионеры сообщали также, что иоаннитские наставники не причащали братию, а размачивали просфору водою в чашке с портретом о. Иоанна Кронштадтского и предлагали присутствующим — утром после продолжительной молитвы перед вкушением обыкновенной пищи¹⁴.

Распространение иоаннитского движения заставило вынести вопрос о его оценке на обсуждение IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве (июль 1908 г.). Вопрос вызвал серьезную дискуссию как по поводу определения иоаннитства (что это: мистическая секта или религиозно-практическое направление в православии), так и по поводу происхождения иоаннитства и его идейной связи с хлыстовством¹⁵. Одна часть делегатов высказалась за безусловное осуждение иоаннитства как «во всех отношениях темной, безнравственной секты», сродной хлыстовству, распространяющей неправославное еретическое учение¹⁶. Другие делегаты выступили с более умеренных позиций, считая, что у иоаннитов еще не сформировалось ни отдельного вероучения, ни культа.

Категорически против определения иоаннитства как секты выступил санкт-петербургский епархиальный противосектантский миссионер-проповедник Дмитрий Боголюбов, который утверждал, что «пока нет оснований... считать это направление сектантским», поскольку имеющиеся в иоаннитских изданиях выражения можно толковать двояко — по-православному и по-сектантски. Д. Боголюбов обратил внимание на глубинные духовные и общественные причины возникновения иоаннитства, которое появилось, по его мнению, «как протест против безбожия и вообще современного упадка религиозных и нравственных

¹¹ Иванов И., диакон. Указ. соч. С. 588.

¹² См.: Боголюбов Д. И. О так называемых иоаннитах в русском народе: Очерк. СПб., 1909. С. 23–24.

¹³ См.: Скворцов В. М. Указ. соч. С. 229.

¹⁴ См.: Кирика Ф., священник. Иоанниты в Херсонской епархии (с кратким опровержением их учения) // Миссионерское обозрение. 1909. № 2. С. 226.

¹⁵ См.: Об иоаннитах // Миссионерское обозрение. 1908. № 9. С. 1146–1150; О секте иоаннитов // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1744–1756.

¹⁶ Об иоаннитах. С. 1146; О секте иоаннитов. С. 1746–1748.

устоев жизни», «как противодействие возрастающему неверию и есть идейное религиозно-нравственное искание высшей правды»¹⁷; это «своеобразное проявление православных религиозных чувств, — аналогичное с проявлением патристического духа правых политических организаций», которое «заслуживает особого внимания со стороны государства и Церкви»¹⁸. По мнению Боголюбова, хотя среди иоаннитов есть много шарлатанов, мошенников с грубо-корыстными целями, в целом это движение не опасно для Церкви; однако, «осудив это направление как ересь и оттолкнув многочисленных иоаннитов от Церкви, вместе с их 500 книгоношами, ходящими по всей России, мы можем толкнуть пока только подозрительных по своим верованиям людей действительно в опасную ересь, в сектантство, вредное для Церкви по своему сильному религиозному воодушевлению и энергии»¹⁹. Требуется, напротив, утверждал Д. Боголюбов, «направить все усилия к собеседованию с иоаннитами в полном убеждении, что таким путем ступаются крайности и увлечения этих в большинстве добрых и наивных людей, что тот весь вздор, который отчасти не без основания приписывается последователям этого направления, он пройдет, и останется то, что полезно для Церкви»²⁰.

Подобной точки зрения придерживался и епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский): «Это движение совершенно не установившееся, но — громадной нравственной силы и громадного воодушевления. Если мы на самом деле его назовем сектантством, то оно действительно может вылиться в форму сильнейшего сектантства. Если же отнестись к нему со вниманием, то вся эта сила громадного воодушевления перейдет на нашу сторону, и все эти книгоноши будут книгоношами православной Церкви»²¹. Епископ Андрей поддержал мнение, что иоаннитское движение является внутренне неоднородным и иоаннитов необходимо подразделить на три группы: 1) наглые мошенники и шарлатаны, пользующиеся именем отца Иоанна для корыстных целей, с которыми ничего не может сделать сам Иоанн Кронштадтский и которые тяготят его; 2) люди, в которых есть зародыш сектантства; они искренне убеждены в истине тех нелепостей, которые проповедаются иоаннитами первого вида; и 3) православные почитатели отца Иоанна, к которым относится большая часть иоаннитов.

В отношении происхождения вероучения большинство делегатов выразили мнение, что иоанниты — это типичные хлысты. Однако профессор Казанской духовной академии Н. И. Ивановский отметил нехарактерность культа иоаннитов для хлыстов. Его точку зрения поддержал и известный сектовед, херсонский миссионер М. А. Кальнев, который заявил: «Я знаю хлыстов и вижу здесь одно только сходство. Но сходство — не тождество... Я думаю, что это совершенно самостоятельная секта... безусловно, несколько похожая на хлыстовство, но генетической зависимости он него не имеющая»²².

¹⁷ О секте иоаннитов. С. 1745–1746, 1749.

¹⁸ Об иоаннитах. С. 1146–1147; О секте иоаннитов. С. 1750.

¹⁹ Об иоаннитах. С. 1147.

²⁰ Там же.

²¹ Об иоаннитах. С. 1147; О секте иоаннитов. С. 1750–1751.

²² Там же. С. 1149; Там же. С. 1752.

Несмотря на полярность высказанных оценок, миссионерский съезд большинством голосов принял резолюцию о том, что иоаннитство есть секта, родственная с хлыстовством, и предложил методы борьбы с ней. По обсуждению решений съезда Святейший Синод определением от 4–11 декабря 1908 г. за № 8814, в частности, постановил: учение так называемых «иоаннитов», признающих о. Иоанна Сергиева Богом, считать учением еретическим, кощунственным и богохульным, сродным с хлыстовством; поручить духовенству с особенною осторожностью относиться к лицам, подозреваемым в принадлежности к иоаннитам, при совершении над ними таинств, требуя от них отречения от главных заблуждений иоаннитов; поручить Санкт-Петербургскому духовному цензурному комитету следить за изданиями «Кронштадтского маяка»; лиц, упорных в иоаннитстве, после увещаний подвергать отлучению от Православной Церкви²³.

Решения съезда вызвали резкую отповедь редакции журнала «Кронштадтский маяк», которая выпустила целый ряд брошюр в защиту иоаннитства²⁴, в которых утверждалось, что иоанниты — это «истинные православные христиане, свято чтущие и оберегающие заветы святой православной Церкви»²⁵; что они не исповедуют о. Иоанна Кронштадтского Богом, а лишь используют образные выражения, чтобы передать высшую степень почтения к отцу Иоанну, которого они почитают как святого; что инкриминируемые им «еретические» правила их обыденной жизни состоят в исполнении строгих аскетических христианских норм, что они «отрешились от плотской временной жизни с ее греховными наслаждениями и, следуя примеру истинных учеников Христовых, сплотились в братские общины, чтобы, являя собою один другому образец благочестия и подвижничества в общей непрестанной молитве и трудах, унаследовать жизнь вечную»²⁶. Ответственность за клевету на них иоанниты возлагали в первую очередь на либеральную печать, а также на толстовцев и «батюшек-прогрессистов». Они обличали народ за неустойчивость в вере и охлаждение к Царю и отчизне, а также и духовные власти — за отсутствие ревности о Христе, что, например, позволило «в Петербурге, столице Православной Державы, свить гнездо британскому религиозному обществу и в г. Риге — штундистской семинарии для распространения семян и сеятелей плевел на ниве Православия»²⁷. Ответственность за разрастание и распространение безбожия и безнравственности на русской земле они возлагали на пастырей-наемников, которые своей нерадивостью допустили уход паствы в сектантство, в том числе в хлыстовство. Таким образом, в лице своих идеологов иоанниты позиционировали себя как строго православное церковно-монархическое охранительное движение.

²³ См.: Церковные ведомости. 1908. № 51–52. С. 1479; Церковный вестник. 1908. № 51–52. С. 1611–1612.

²⁴ См.: Истинное Православие на миссионерском съезде в Киеве. СПб., 1908; IV Всероссийский миссионерский съезд и современные ревнители православия (письма). СПб., 1908; Суд иоаннитов / Сост. И. Алексеев. СПб., 1908; Еще днем закатилось солнце / Сост. В. Ф. Пустошкин. СПб., 1908; Истинное Православие в Синедрионе XX века. СПб., 1908.

²⁵ См.: Истинное православие на миссионерском съезде в Киеве. С. 27.

²⁶ Еще днем закатилось солнце. С. 10.

²⁷ Там же. С. 8.

Следует отметить, что этой принципиальной линии редакция «Кронштадтского маяка» следовала в своих изданиях как до миссионерского съезда, так и в последующие годы. Например, в брошюре «Церковь Христова в опасности. Отповедь Преосвященному епископу Филарету [Никольскому], главе Вятской епархии» (СПб., 1908) содержалась апология иоаннитства как чисто церковного течения в противовес нарастающему безбожию, толстовцам, «прогрессивным» законам о свободе совести и «прогрессистам» из духовенства, увлекающимся современным освободительным движением. В брошюрах «Отец Иоанн Кронштадтский о душепагубном еретичестве графа Л. Н. Толстого» (СПб., 1907), «Голос истинной свободы» (СПб., 1909) и «О Ясно-Полянском еретике Толстом: Много шума из ничего» (СПб., 1910) В. Ф. Пустошкин резко высказывался против Льва Толстого, толстовского безбожия, декадентства, так называемого прогресса. В брошюре «Пусть люди судят, а дальше как будет» (СПб., б. г.) он же писал о беззаветной любви к Церкви Православной и об остром неприятии наступивших «новых порядков» в общественной жизни России, оплакивал свое время «с законом о свободе разнузданного собрания, о свободе... распущенного, зловерного слова и печати, полной гнусной клеветы и насилия над совестью каждого человека... и, наконец, о свободе совести, т. е. возможности переходить из православия в какую-либо другую веру и трактующей о свободе в религиях» (с. 43).

Острая дискуссия продолжилась после съезда и в церковной среде. Посетивший кронштадтскую общину епископ Саратовский Гермоген (Долганёв) утверждал на страницах газеты «Колокол», что иоаннитства как секты в России нет, а этим именем прикрываются люди строго православного благочестия²⁸. В защиту иоаннитов выступил бывший синодальный миссионер игумен Арсений (Алексеев)²⁹. Последовательным защитником иоаннитов оставался петербургский епархиальный миссионер Дмитрий Боголюбов, который написал брошюру «О так называемых иоаннитах в русском народе», изданную В. Ф. Пустошкиным в 1909 г. По поводу иоаннитских воззрений на личность о. Иоанна Боголюбов высказывался за их аллегорическое понимание, в чем нет ничего еретического, поскольку иоанниты говорят «не в субстанциональном, а в благодатном смысле»³⁰. В своем учении о скором наступлении конца мира и Страшного Суда Н. Большаков и В. Ф. Пустошкин, отмечает Д. Боголюбов, фактически копируют высказывания самого о. Иоанна Кронштадтского по этому поводу, приводя в пример его известную проповедь «на новый 1907-й год» и др. Что касается якобы кощунственного причащения, то петербургские миссионеры проводили собственное тщательное расследование, и оказалось, что речь идет о вкушении частичек просфор, на которых служил сам о. Иоанн Кронштадтский и которые принимаются членами иоаннитских общин как святыня. В связи с этим Боголюбов утверждал, что иоаннитства как новой, отложившейся от православия ре-

²⁸ См.: *Боголюбов Д. И.* Указ. соч. С. 3.

²⁹ См.: Открытое письмо редактору-издателю журналов «Кронштадтский маяк» и «Свет России» Н. И. Большакову, и беседа б[ывшего] синодального миссионера и главного учредителя «Союза Русского Народа» игумена о. Арсения. СПб., 1909.

³⁰ *Боголюбов Д. И.* Указ. соч. С. 13.

лигиозной секты с особым вероучением и культом, в русском народе нет. Более того, по убеждению Д. Боголюбова, людей, сгруппировавшихся под флагом журнала «Кронштадтский маяк», следует считать не сектантами, а особой фракцией «Союза русского народа»: это строгие русские монархисты, которые призывают крепко держаться за Церковь, защищать устои православной религии и царя самодержавного; которые питают отвращение к «левым» газетам, ненавидят всякого рода сектантов и недовольны предоставленными свободами и новыми порядками³¹.

Деятели петербургской миссии поддержали официальные «Церковные ведомости», определившие иоаннитство как «неупорядоченное и своеобразное течение» в православно-народной массе, которое «стремится возратить нашу церковно-общественную жизнь к началам аскетически-староотеческим, которые так пламенно проповедовал покойный о. Иоанн Сергиев»³². По мнению издания, среди иоаннитов следовало выделять три самостоятельные русла: строго православных почитателей Иоанна Кронштадтского, к которым редакция относилась и «грамотеев» — главных идеологов иоаннитства, «которые сплотились около “Кронштадтского маяка” и пишут, — особенно в последнее время, — так, что под их статьями может подписаться всякий христианин православный»; «православных, еретичествующих по своему духовному невежеству», и, наконец, «мошенников, использующих религиозное прикрытие для обирания людей»³³.

Тем временем широкое распространение получили сведения о том, что 23 июля 1908 г., уже незадолго до смерти, о. Иоанн Кронштадтский, находившийся тогда в Вауловском скиту Ярославской епархии, выслушав от представителей Ярославского отделения Союза русского народа сообщение о злоупотреблении его именем М. И. Петрова и В. Ф. Пустошкина, всплеснул руками, плюнул в сторону и сказал: «Я и раньше заявлял, что ничего общего с иоаннитами не имею, и теперь я, как православный священник, пред вами, как пред свидетелями, проклинаю их опять»³⁴. В то же время присутствовавший при этом архимандрит Арсений (Жадановский, впоследствии епископ Серпуховской) свидетельствовал не о проклятии, а о публичном обличении о. Иоанном находящегося в Ваулове М. Петрова с призывом последнего к покаянию: «...вы моим именем обираете людей, целые дома заставляете отписывать, да еще ужасную ересь проповедуете, будто я — Бог. Только безумцы могут так говорить: ведь это богохульство. Покайтесь, в противном случае проклятие Божие падет на вас»³⁵.

4 ноября 1909 г. 27 наиболее видных руководителей иоаннитов, в т. ч. В. Ф. Пустошкин, Н. Большаков, М. Уткин, обратились к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому) с прошением³⁶, в котором отрицали свою принадлежность к какой-либо секте и назвали подозрения их в хлыстовстве несправедливыми и жестокими. Руководители иоаннитов указывали, что

³¹ См.: Боголюбов Д. И. Указ. соч. С. 28.

³² К. И. Н. Знаменательное прошение. С. 2431.

³³ Там же. С. 2431.

³⁴ Русское знамя. 1908. № 180 (цит. по: Ремезов М., свящ. Указ. соч. С. 339).

³⁵ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М., 1995. С. 153–154.

³⁶ См.: К. И. Н. Знаменательное прошение. С. 2430–2433.

они почитают о. Иоанна Кронштадтского угодником Божиим, но не считают его Христом; что для спасения души стараются проводить жизнь в молитвах в храмах и в домах, при этом не признают «никаких, на хлыстовский лад, ни “христов”, ни “богородиц”, ни “пророков” и “апостолов”»; не признают спасительными никаких таинств, кроме таинств православно-церковных. Чтобы «рассеять мрак клеветы» в свой адрес, иоанниты заявили о готовности отдать «себя и все свои писания под самый строгий надзор». В приложенных к прошению дополнительных письмах Санкт-Петербургскому епархиальному миссионерскому совету, находящемуся под председательством викарного епископа Нарвского Никандра (Феноменова), были переданы адреса всех иоаннитских мастерских и представлены на цензуру все имевшиеся в редакции иоаннитские издания. В начале 1910 г. «Церковные ведомости» опубликовали открытое письмо в редакцию под названием «Чему и как мы веруем» за подписью В. Пустошкина и других лидеров иоаннитов, которые в очередной раз заверяли в православности своих воззрений и отрекались от всего, что нашлось бы еретического в их изданиях³⁷.

Однако с мест (а к началу 1910-х гг. иоаннитские общины действовали в Костромской, Владимирской, Ярославской, Донской, Таврической, Херсонской, Одесской, Самарской, Киевской, Харьковской, Могилевской, Вологодской, Пермской, Уфимской, Оренбургской епархиях, а также на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке) продолжали поступать многочисленные документированные свидетельства сектантского характера вероучения во многих общинах. В связи с этим в 1911 г. Святейший Синод вновь вернулся к рассмотрению вопроса об иоаннитстве. Приняв во внимание отсутствие единомыслия среди духовенства, в том числе среди миссионеров, Особому совещанию по миссионерским делам при Святейшем Синоде было поручено еще раз рассмотреть решения Киевского миссионерского съезда об иоаннитах в свете новых данных. При этом заседавшим в Синоде епископом Саратовским и Царицынским Гермогеном (Долганёвым) в Особое совещание был внесен доклад о несоответствии наименования «этой ветви хлыстовства» именем «иоанниты», как связанным с досточтимой личностью пастыря-праведника, с предложением именовать секту «киселевцами», по фамилии ее родоначальницы Порфирии Киселевой. 21 ноября 1911 г. Особое совещание под председательством архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) подтвердило постановление IV Всероссийского миссионерского съезда об иоаннитстве как секте, родственной хлыстовству, и представило Святейшему Синоду мотивированный доклад о ее антихристианской деятельности. Совещание постановило просить Святейший Синод о принятии против сектантов более жестких мер: публичного осуждения секты, отлучения от Церкви ее главных руководителей, изъятия из употребления иоаннитских изданий, действий со стороны гражданских властей³⁸.

13 апреля 1912 г. в заседании под председательством митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского), в присутствии обер-проку-

³⁷ См.: Чему и как мы веруем // Прибавления к Церковным ведомостям. 1910. № 8. С. 367–368.

³⁸ См.: Православная миссия в 1912 году // Миссионерское обозрение. 1913. № 1. С. 135–136.

рора В. К. Саблера и при участии в качестве экспертов епархиальных миссионеров Московской епархии И. Г. Айвазова и Новгородской епархии архимандрита Варсонофия (Лебедева), Святейший Синод рассмотрел доклад Особого совещания по миссионерским делам и после продолжительного обмена мнениями единогласно постановил: «Признать иоаннитов сектой хлыстовской киселевского толка; основателей ее — Порфирию Киселеву (Матрену), Михаила Петрова, старца Назария и В. Ф. Пустошкина — пропагандистами, а издателя газеты “Гроза” Жеденова и др. прикосновенных лиц — распространителями; обратиться к пастве с особым посланием, предупреждающим православных христиан против зловредного влияния этой секты; предписать петербургскому епархиальному начальству привлечь к ответственности основателей и пропагандистов секты иоаннитов по обвинению в ереси; подвергнуть публично-церковному осуждению все иоаннитские издания; выработать план систематической борьбы с иоаннитами»³⁹.

Автором обращения к пастве стал архиепископ Антоний (Храповицкий). Под его руководством Особое совещание по миссионерским делам при Святейшем Синоде в июне 1912 г. постановило от лиц, подозреваемых в принадлежности к секте хлыстов киселевского толка, но желающих принять Святые Тайны, требовать публичного засвидетельствования их веры и разработало «Формулу положений, устраняющих подозрения в принадлежности к секте иоаннитов»⁴⁰. В ноябре 1912 г. власти прекратили издание «Кронштадтского маяка». Однако принятые меры по-прежнему имели скорее предупредительный, чем репрессивный характер. Никто из лидеров иоаннитов не был обвинен в ереси и отлучен от Церкви. Святейший Синод сначала запретил совершать панихиды и заупокойные литургии на могиле скончавшейся еще в 1905 г. Порфирии Киселевой, но вскоре вновь разрешил. 20 октября 1912 г. в Кронштадте скончался старец Назарий Дмитриев, похороны которого вызвали огромное стечение народа; перед смертью он исповедался у своего духовника, священника Андреевского собора Каменоградского, был отпет и погребен по церковным правилам⁴¹. Многие священники продолжали причащать иоаннитов, стремясь проповедью и убеждением постепенно изжить их заблуждения. В 1914 г. возобновил издательскую деятельность В. Ф. Пустошкин; причем его издания — брошюры на духовно-нравственные и патриотические темы, а также книги об о. Иоанне Кронштадтском⁴² — выходили с дозволения духовной цензуры. Интерес к иоаннитам постепенно угас, публикации о них исчезли со страниц печати, и на V Всероссийском миссионерском съезде, проходившем в июле—августе 1917 г. в Бизюковском монастыре Херсонской епархии, вопрос об иоаннитстве уже не подымался. По

³⁹ Постановление Св. Синода об иоаннитах // Миссионерское обозрение. 1912. № 5. С. 210.

⁴⁰ Деятельность православной миссии // Миссионерское обозрение. 1912. № 6. С. 445.

⁴¹ См.: Похороны «киселевского старца» Назария // Миссионерское обозрение. 1912. № 11. С. 704—706.

⁴² См.: Горькая правда о театральных зрелищах. СПб., 1914; Наставление о целомудрии и чистоте супружеской жизни. Пг., 1914; Храм Божий. Спутник христианина. Умершие слышат молитвы. Пг., 1915; Великая война. Пг., 1915; Правда дороже золота. Что говорят православные иерархи и иностранцы об отце Иоанне Кронштадтском. Пг., 1915; Столп Православной Церкви, всенародно чтимый пастырь и праведник. Пг., 1915.

мнению современника событий епископа Арсения (Жадановского), «иоаннитство появилось вследствие чрезмерного почитания отца Иоанна, а так как он был истинный пастырь, молитвенник и верный сын Святой Православной Церкви, а его поклонники отличались глубоким религиозным чувством, Господь не допустил развиваться подобной ужасной ереси. Прошло немного времени после кончины батюшки, и по его молитвам так называемое иоаннитство почти рассеялось»⁴³. Однако в действительности большая часть иоаннитских общин сохранилась и по-прежнему мыслила себя внутри церковной ограды.

Иоанниты встретили Октябрьскую революцию и захват власти большевиками как исполнение пророчеств о. Иоанна Кронштадтского и приход антихриста. Их проповедь сразу приобрела резко антисоветский характер. Иоанниты учили о невозможности для верующих сотрудничать с новой властью, отказывались от положенной по закону регистрации религиозных организаций в органах НКВД, призывали не вступать в комсомол, пионерии, другие организации безбожников, не записываться в колхозы, не участвовать в каких бы то ни было формах помощи государству (займы, самообложения и пр.). Они выступали против советской школы как безбожной и агитировали отдавать детей в их общины, чтобы сохранить от тлетворного влияния мира. Иоаннитские общины сохраняли тесные связи как между собой, так и с центром в Петрограде и по-прежнему находились под руководством В. Ф. Пустошкина, который вскоре после революции перешел на нелегальное положение. В конце 1920-х гг. он проживал уже в Москве, скрываясь среди своих единомышленников. Таким образом, иоанниты стали одной из первых групп катакомбного движения. В то же время они считали себя частью Русской Православной Церкви, признавали св. Патриарха Тихона и принимали участие во внутрицерковных событиях 1920-х гг.

Иоанниты резко отрицательно отнеслись к обновленчеству, поддерживая на местах Патриаршую Церковь. Так, обновленцы Казани жаловались, что «иоанниты и иоаннитки... крайне враждебно относятся к тому движению, которое стремится уменьшить суеверия в народе. Эти экземпляры проникают в семьи и бродят по деревням и не поддаются никакому надзору»⁴⁴. Обновленческий епископ Ташкентский Николай Коблов 21 января 1924 г. доносил НКВД, что запрещенный обновленцами в священнослужении «тихоновский» иеромонах Мелхиседек (Аверченко), имея антиминос, продолжает служить, «причем около него... группируются иоаннитки, считавшие ранее антихристом Льва Толстого, а теперь Ленина и Троцкого и Власть Советскую вообще антихристовой... Все это сообщество пропагандирует тихоновщину, волнуя народ и поддерживая в нем недовольство законной как церковной, так и Советской властью»⁴⁵. «Епископ» Николай отмечал в донесении, что «часть иоанниток проживают в самом Ташкенте и его уезде, а главные наезжают сюда, особенно к большим праздникам,

⁴³ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 154.

⁴⁴ Жизнь и религия (обновленческий журнал). Казань, 1922. № 4. С. 9.

⁴⁵ Цит. по: *Заславский В. Б.* Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 207–208; *Заславский В. Б.* Пострадавшие за веру православную в Ташкентской епархии // Вестник ПСТГУ: II (История. История Русской Православной Церкви). 2006. Вып. 3 (20). С. 120.

из Петрограда»⁴⁶, что не только подтверждает тесные связи иоаннитских общин в 1920-е гг., но позволяет говорить о негативном отношении к обновленческому расколу в движении в целом. В 1925 г. иоанниты попали в агентурную разработку 6-го отделения Секретного Отдела ОГПУ как «крайние церковные монархисты-фанатики»⁴⁷.

Выход в 1927 г. Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) привел к разделению внутри иоаннитского движения. В. Ф. Пустошкин и многие его сторонники продолжали посещать храмы «сергиевского течения». Другая часть иоаннитов влилась в движение непоминающих, с которыми их сближал отказ от каких бы то ни было форм соглашательства с советской властью. «Иоанниты, — говорил иосифлянский епископ Сергей (Дружинин) на следствии, — являются стойкими борцами за истинное православие, ведут праведную жизнь и так же, как и мы, ненавидят Соввласть»⁴⁸. Такой же точки зрения придерживались епископ Каргопольский Василий (Докторов) и другие иосифляне⁴⁹, рукополагавшие «истинно-православным» иоаннитам законных священников.

В 1929 г. епископы из непоминающих совершили в г. Уфе хиротонию особого архиерея для окормления местной общины иоаннитов, не признавших Декларацию митрополита Сергия. Появление иоаннитского епископа привело к расколу во всероссийском движении с образованием в нем автономного течения, члены которого под руководством своего архиерея отошли от неправославных догматических представлений и вернулись к церковным правилам в устройении общинной жизни. Поскольку своим возникновением и развитием автономное течение оказалось теснейшим образом связано с уфимской общиной иоаннитов, необходимо подробнее остановиться на ее истории.

Основателем этой общины являлся Василий Михайлович Воронов, 1865 года рождения, происходивший из крестьян деревни Чуриловой Ростовского уезда Ярославской губернии. Проживая в Петербурге, он в 1903 г. познакомился с о. Иоанном Кронштадтским, часто посещал его церковные службы и стал почитателем духоносного пастыря. В 1906 г. В. М. Воронов уехал в г. Ярославль, где служил сторожем при церкви св. Никиты мученика, сохраняя интенсивные связи с иоаннитами Петербурга, Москвы и других мест. В конце 1908 г. Воронов получил задание по организации общины в Уфимской губернии и приехал в г. Уфу, где на средства иоаннитов купил дом. «Сначала этот дом был куплен на пять человек, — показал он на следствии в 1933 г., — все они были также почитатели Иоанна Кронштадтского, и познакомился с ними я, еще будучи в Петербурге. Примерно в 1911 году все указанные граждане (компаньоны) от дома отказались и передали его мне в собственность целиком, а сами из гор[ода] Уфы уехали»⁵⁰.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 166.

⁴⁸ Цит. по: *Нестор (Кумыш), иеромон.* Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб., 2003. С. 142.

⁴⁹ См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: Течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 108, 110–111.

⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 52.

Отъезд иоаннитов был связан с успешным результатом их деятельности — образованием к тому времени самостоятельной общины под руководством В. Воронова. При этом дом в Уфе стал также прибежищем для иоаннитских книгонош на их пути из Петербурга на Урал и в Сибирь. Как свидетельствовал В. Воронов, в Уфе «ко мне стали приезжать из разных городов “иоанниты”, которые оставались у меня в доме, где мы и проводили молебствия, как утрени, так и вечерни. Большинство из приезжающих ко мне граждан, побыв у меня несколько времени, разъезжались по разным деревням с целью распространения учения Иоанна Кронштадтского и привлечения на свою сторону верующих, занимались продажей его портретов, разных крестиков, молитвенников и прочих церковных предметов. Лично я также старался убедить своих знакомых в правоте учения Иоанна Кронштадтского, рассказывая им о всех совершенных им чудесах. Таким образом мне удалось организовать общину “иоаннитов” в гор[оде] Уфе, все члены которой проживали впоследствии в моем доме. Количественный состав общины колебался примерно от 15 до 20 чел[овек], в том числе были и дети в возрасте от 7 лет»⁵¹. Община подчинялась главе всероссийского иоаннитства Василию Федоровичу Пустошкину, который, утверждали иоанниты, «принял преемство от Иоанна Кронштадтского еще при жизни последнего».

Помощницей и заместителем В. Воронова с 1914 г. состояла некая Клавдия Ёлкина, 1892 года рождения, происходившая из крестьян Вятской губернии. «Будучи еще в Петербурге, примерно в 1906 г. я со своими родителями прикнула к секте “иоаннитов”, — сообщала она следствию, — и с тех пор стала почитательницей Иоанна Кронштадтского, т. е. считала его учение вполне правильным. Иоанн Кронштадтский был большим чудотворцем и исцелителем, что еще больше заставило меня верить в его учение, т. к. некоторые исцеления произошли и на моих глазах»⁵². В состав общины входили в основном женщины и девушки, которые проживали в доме Воронова, образуя своего рода монашеское общежитие.

Жизнь в иоаннитской общине-монастыре была суровой и достаточно тяжелой для вчерашних крестьян, требовала самоотречения и напряженного духовного труда. В ней по-монашески строго соблюдались все посты, хотя и вне постов питание было крайне скудным. Не допускалось никаких развлечений, посторонних интересов, праздного времяпровождения. В воскресенья и праздничные дни члены общины обязательно посещали храм, часто причащались. Были приняты также ежедневные домашние богослужения: служили часы, вечерню и утрению, согласно церковному уставу; читали акафисты и каноны. В молитвенном помещении общины вместе с иконами стоял портрет о. Иоанна Кронштадтского; о его учении обязательно рассказывал В. Воронов после богослужения, сопровождая проповедь чтением и толкованием Священного Писания, особенно слов о конце мира, пришествии антихриста и пр. На домашних молениях не совершалось никаких таинств, в уфимской общине не было и так называемого иоаннитского причастия. Помимо общих молений, В. Воронов давал членам общины большие молитвенные правила и налагал на «сестер» по несколько тысяч поклонов в

⁵¹ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 52 об.

⁵² Там же. Л. 60 об. — 61.

день. Мальчики и девочки, привозимые в общину, также жили на монастырском положении. По свидетельству одной из воспитанниц, в течение нескольких лет их держали взаперти, не выпуская даже на прогулки; кормили и одевали плохо; старшие «сестры» обучали их Священному Писанию и заставляли все время молиться, принуждая вычитывать по 12 акафистов и отбивать по 2000 поклонов в день. Члены общины выполняли различные служения: К. Ёлкина безвыездно жила при Воронове как его заместитель, несколько человек занимались хозяйством, но большинство иоанниток являлись «благовестницами Слова Божия». Они ходили по деревням Уфимского уезда под видом нищих или книгонош, продававших церковные книги, крестики, иконки, портреты о. Иоанна Кронштадтского и пр. и проповедовали «учение о. Иоанна Кронштадтского», стараясь привлечь в общину новых членов. Они убеждали крестьян, что настали последние времена, антихрист уже пришел в мир, приближается конец света, нужно думать только о спасении, а для спасения надо оставлять семьи, продавать имущество и спешить к иоаннитам, чтобы проводить жизнь в постах и молитве. «Главная же цель разъездов была по распространению учения Иоанна Кронштадтского и вовлечение в секту иоаннитов, — свидетельствовала К. Ёлкина, — для этого в разговорах с кем-либо из верующих говорили, что надо больше молиться Богу, а если не будем молиться, то жизнь будет тяжелой»⁵³. Все деньги, вырученные от продажи, и пожертвования разных «благотетелей» поступали В. Воронову, который распоряжался средствами по своему усмотрению. Вновь прибывающие в общину все свое имущество также передавали в ведение руководителя для общего пользования, во образ евангельского общения имуществ. Проповедницы уговаривали наиболее религиозные семьи отдавать в общину своих детей, которые только там смогут спастись и отмолить грехи родителей. Особенное внимание уделялось вдовам, обремененным большими семьями; при этом, по указанию Воронова, подбирали исключительно красивых девушек от 10 до 20 лет.

В уфимской общине имели место как неправославные догматические представления, так и злоупотребления нравственного порядка. На допросах в 1933 г. иоаннитка Анфиса Зыкова показала, что при благовествовании по селам проповедницы убеждали крестьян, что о. Иоанн Кронштадтский является истинным богом, а Василий Воронов его пророком; Наталью Хохлову, старшую из «благовестниц»-вербовщиц, именовали пророчицей⁵⁴. В то же время, по свидетельству иоаннитки Прасковьи Гайнцевой, о личности о. Иоанна Воронов учил и вполне православно: «Иоанн Кронштадтский это был единственный пастырь, шедший по правильному пути, он много помогал бедным, делал чудеса и разные исцеления. Нам надо последовать его учению, делать больше добрых дел и жертвований»⁵⁵. По свидетельству Анфисы Зыковой, глава уфимских иоаннитов являлся священником-самосвятом⁵⁶; по-видимому, имелось в виду только то, что В. Воронов являлся духовным руководителем общины, поскольку литургию он не служил и никаких таинств не совершал. Уфимские иоанниты отрицали брак и

⁵³ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 61об. — 62.

⁵⁴ См.: Там же. Д. ВФ-11830. Л. 30 об.; Д. ВФ-17639. Л. 20.

⁵⁵ Там же. Л. 106.

⁵⁶ См.: Там же. Д. ВФ-11830. Л. 29 об.; Д. ВФ-17639. Л. 19 об.

толковали брачное сожителство как грех⁵⁷. Никаких радений типа хлыстовских у них не было, однако глава общины отличался личной распущенностью, совращал девушек и женщин общины, которые в случае сопротивления подвергались избиениям. Это совершалось под предлогом необходимости полного послушания, «благочестия», «спасения от грехов», поскольку так, утверждал Воронов, он якобы берет на себя грехи жертвы. По словам старших из «сестер», таким образом он стремился избежать бегства иоанниток от тяжелой жизни в общине, поскольку опозоренные девушки боялись вернуться к родным и не могли рассчитывать на замужество.

После Октябрьской революции проповедь уфимских иоаннитов приобрела бескомпромиссный характер в отношении новой власти. Как показывали позже на следствии члены уфимской общины, «странники, разъезжая по деревням, наряду с проповедью Слова Божия, обрабатывали граждан в антисоветском направлении, как-то: “не ходите на собрания, т. к. там проповедуют слово антихриста, в школе детей не учите, т. к. там они пропитываются сатанинским духом и бывают безбожниками. Колхоз — это одно из местонахождений дьявола, первая ступень к сатане, путь к антихристу”; “хлебозаготовки не выполняйте, т. к., сдавая хлеб своей рукой, вы тем самым помогаете своими руками сатане. Если у них есть закон насильно брать хлеб, то вы не приступайте, не помогайте, даже не держите мешков, пусть сами как хотят, так и берут; если вы будете им помогать держать мешки, тем самым вы будете участниками дела сатанинского”»⁵⁸. По свидетельству иоаннитов, «Воронов всегда, при каждом молении говорил, что советской власти скоро будет конец, а мы давайте больше молиться, чтобы Бог помог скорей свергнуть советскую власть»⁵⁹. Проповедь иоаннитов имела большой успех среди крестьян: одни отказывались от своего имущества, продавали его и вырученные средства приносили в общину, вступая в нее; другие благословляли уход к иоаннитам своих взрослых дочерей или отдавали детей; третьи (их называли «благодетелями») жертвовали деньги, продукты, одежду, холст и пр. В результате уфимская община никогда не испытывала материальных затруднений и даже имела несколько складов запасного имущества и продовольствия. Численность общины в 1925 г. превышала 100 человек, хотя непосредственно в доме Воронова проживало от 30 до 50 иоаннитов, в основном молодые девицы и женщины в возрасте от 14 до 30 лет, а также дети примерно с 7–8 лет. Большинство иоаннитов происходило из крестьян, но были и городские жители, занимавшие в общине руководящее положение. В это время в подчинении Воронова находилась также иоаннитская община в г. Златоусте, проживавшая в доме жены Воронова Марии Игнатьевны (супруги задолго до революции по взаимной договоренности отказались от семейной жизни). Ему подчинялись и небольшие группы иоаннитов в кантонных центрах Башкирской АССР — городах Бирске и Стерлитамаке.

⁵⁷ См.: *Диакон А., свящ.* Беседа епархиального миссионера с иоаннитами о браке (19 дек. 1910 г. в г. Уфе) // Уфимские епархиальные ведомости. 1911. № 1–2. С. 13–18.

⁵⁸ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 35, 163.

⁵⁹ Там же. Л. 67, 164.

Как и ранее, уфимские иоанниты считали себя частью Православной Церкви и не порывали с храмом, куда молодые члены общины ходили в сопровождении старших. Кроме того, по сведениям начала 1920-х гг., на совершаемые ежедневно домашние моления они часто приглашали священников уфимских городских церквей, признавая благодатность Церкви и православной иерархии; при этом в обновленцах видели предателей, вступивших в союз с антихристом. Так, в отчете Башкирского обкома РКП(б) за 1925 г. отмечалось, что «сильная и богатая» уфимская община иоаннитов «весьма враждебно относится к обновленчеству»⁶⁰.

Весной 1924 г. были арестованы все иоанниты, проживавшие в доме В. Воронова. Судя по данным Башобкома РКП(б), власти не имели достаточной информации о характере их проповеди и в отчете о сектах указывали, что уфимская община «антисоветски себя не проявляет» и не имеет влияния на население⁶¹, а потому через один-два дня, после проведения допросов, освободили всех, за исключением В. Воронова. Последний находился под стражей около 20 дней по обвинению в насилиях в отношении женщин, но поскольку иоаннитки отказались дать показания против руководителя, он был освобожден, а затем и оправдан Народным судом. После этих событий, опасаясь преследований, многие члены общины разъехались по домам. Власти запретили В. Воронову «сдавать комнаты» (так на допросах объясняли наличие множества жильцов в иоаннитском монастыре). Тем не менее после продажи старого дома он приобрел новый, где вновь организовал общину, хотя уже и менее многочисленную. В 1925 г. Воронов вновь подвергался краткосрочному аресту.

Уфимские иоанниты не признали Декларацию митрополита Сергия. Они прекратили посещать храмы, подчинявшиеся в. у. Уфимской епархией «сергиевского течения» епископу Давлекановскому Иоанну (Пояркову), и молились в Крестовоздвиженской церкви, где служили непоминающие «андреевского течения». Последние в конце 1927 г. образовали Уфимскую автокефальную епархию, которую возглавил епископ Андрей (Ухтомский), находившийся в заключении, а затем в ссылке. Непосредственное руководство церковной жизнью автокефальной епархии непоминающих осуществлял заместитель епископа Андрея vikарий Староуфимский Аввакум (Боровков). 11 ноября 1927 г. он был арестован; и хотя 19 ноября отпущен под подписку о невыезде из Уфы, но 10 декабря вновь арестован, постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 16 марта 1928 г. осужден к высылке за пределы Башкирии на три года и отправлен в Зырянский край. В связи с этим в конце января — начале февраля 1928 г. управляющим Уфимской автокефальной епархией стал vikарный епископ Бирский Вениамин (Троицкий) в ранге второго заместителя владыки Андрея. В состав иерархии «андреевской» епархии в этот период входили также: vikарный епископ Саткинский Руфин (Брехов); схиепископ Петр (Ладыгин), до принятия схимы vikарий «Нижегородский в г. Уфе», и его преемник на этой vikарной кафедре епископ Иов (Афанасьев). В июне 1928 г. Иов был запрещен епископом Вениамином в священнослужении, отстранен от управления vikариатством и вы был

⁶⁰ ЦГАОО Респ. Башкортостан. Ф. П-122. Оп. 4. Д. 46. Л. 94.

⁶¹ См.: Там же.

за пределы епархии. Однако через некоторое время он вернулся в Уфу и вновь приступил к служению в своем бывшем кафедральном Крестовоздвиженском храме, община которого приняла прежнего архипастыря и отошла от «андреевского течения»⁶². Преосвященный Иов стал именоваться «епископом Уфимским»; он не поминал митрополита Сергия, но установить его принадлежность к какому-либо из известных течений непоминающих не удается. К этому времени епископ Иов стал говорить о необходимости перехода к катакомбному (тайному) церковному служению. В связи с этим его особое внимание привлекли иоанниты, посещавшие богослужения в Крестовоздвиженском храме.

К концу 1920-х гг. во всероссийском иоаннитском движении обострились внутренние проблемы. Чтобы удержать последователей от ухода в разные нецерковные течения, а также прикрыть организацию «легальным существованием», в 1929 г. В. Ф. Пустошкин заявил о своей принадлежности к «ориентации митрополита Сергия», принял монашеский постриг с именем Досифей и был возведен в сан архимандрита. Часто навещавший его руководитель уфимской общины В. Воронов решил последовать примеру «отца-основателя» движения, но при этом перейти в церковно-административное подчинение к епископу из непоминающих. Весной 1929 г. Василий Воронов был Преосвященным Иовом (Афанасьевым) пострижен в монашество с именем Варсонофий, возведен в сан архимандрита и тем самым вместе с общиной поступил в непосредственное ведение этого архиерея. Епископ Иов использовал открывшуюся возможность, чтобы создать на базе иоаннитской общины нелегальное течение во главе с архиереем.

Незадолго до Пасхи 1929 г. (которая приходилась на 5 мая по н. ст.) по приглашению епископа Иова в Уфу прибыл иеромонах Агафангел (Садовсков⁶³). Он познакомился с группой В. Воронова, стал посещать домашние богослужения иоаннитов, вскоре был назначен руководителем общины с возведением в сан архимандрита, а затем рукоположен во епископа. Первым участником хиротонии являлся епископ Иов, вторым — некий епископ Нектарий, также из непоминающих⁶⁴.

Обстановка глубокой тайны, окружавшей это событие и призванной дезориентировать власти, достигла своей цели. В Уфе циркулировало множество слухов о хиротонии. Так, среди клириков Уфимской епархии «сергиевского течения» считалось, что Агафангел был рукоположен двумя епископами «андреевского течения» — Иовом (Афанасьевым) и Вениамином (Троицким)⁶⁵. Однако последний никак не мог участвовать в этой хиротонии: судя по показаниям самих иоаннитов на позднейших допросах, епископ Вениамин никогда не входил в состав их иерархии и не являлся участником указанной хиротонии; в 1929 г.

⁶² Зими́на Н. П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик епископ Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 г. М., 2004. С. 330–337.

⁶³ Написание фамилии соответствует собственноручной подписи епископа Агафангела в различных документах, хотя в публикациях встречается и другой вариант его фамилии — Садовский.

⁶⁴ См.: Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 3, 8, 62, 68 об.

⁶⁵ См.: Там же. Д. ВФ-14918. Л. 16.

епископ Иов — бесспорный участник хиротонии — уже не был «андреевским» архиереем и даже состоял под запрещением епископа Вениамина, так что участвовать с ним в хиротонии не мог.

Не имели достоверных сведений о хиротонии для иоаннитов и гражданские власти. Согласно рапорту агента Башоблотдела ОГПУ от 16 октября 1930 г., «рукоположение Агафангела во епископы нужно полагать было совершено тайком епископом Вениамином в гор. Ульяновске совместно с епископом, не установленным по имени, бывшим викарием Ярославской губернии, который в начале сего года отделился от митрополита Сергия и примкнул к Андреевцам и как будто бы проживает в гор[оде] Казани, где имеется тайная моленная по обслуживанию духовному находящихся там целого ряда ссыльных церковников Андреевской ориентации»⁶⁶. Этот документ вновь указывает на участие в хиротонии главы непоминающих «андреевского течения» епископа Вениамина (Троицкого), но называет и новое имя — очевидно, епископа Нектария (Трезвинского). Действительно, последний с января 1925 г. являлся викарием Яранским (а не Ярославским, как ошибочно указано в рапорте) Вятской епархии; 3 мая 1925 г. он был арестован «за подготовку восстания против советской власти», 13 ноября Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ осужден на три года концлагерей и выслан в Соловки; в ноябре 1928 г., по отбытии полного срока наказания, был лишен права проживания в семи городах и областях России с «прикреплением к определенному месту жительства» на три года и сослан в Казань. Здесь он близко сошелся с группой административно ссыльных представителей Уфимской автокефальной епархии «андреевского течения» во главе со священником Аркадием Волокитиным, хотя, по словам епископа Нектария, они и «не составляли единого целого»: «Вокруг Волокитина группировались “андреевцы”, а возле меня не признающие митрополита Сергия и болеющие душой за митрополита Казанского и Свияжского Кирилла»⁶⁷. Епископ Нектарий находился на свободе до 30 августа 1930 г., когда он был арестован и затем осужден по обвинению в образовании на территории Татарской АССР филиала «Истинно-православной церкви» и поддержке «связи с руководящим деятелем центра этой контрреволюционной организации» епископом Димитрием Гдовским⁶⁸. Таким образом, в 1929 г. епископ Нектарий (Трезвинский) действительно имел принципиальную возможность принять участие в тайной хиротонии для иоаннитов, однако на самом деле никакого отношения к ней не имел.

Как свидетельствовал позже сам епископ Агафангел (Садовсков), для участия в хиротонии Преосвященный Иов вызвал в Уфу близкого ему по убеждениям епископа Нектария, который проживал в станице Алексеевской (бывшего Майкопского отдела Кубанской области), где служил нелегально в домовая церкви, созданной ранее епископом Иовом. Епископ Нектарий приехал в Уфу в сопровождении своего клирика иеромонаха Илии. Хиротония состоялась 22 июня 1929 г. в молельне иоаннитов в доме В. Воронова.

⁶⁶ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-14918. Л. 17.

⁶⁷ Там же. Д. № 2-18199. Т. 3. Л. 57.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 183 и сл.

Рукоположенный для иоаннитов епископ Агафангел, в миру Садовсков Андрей Митрофанович, родился 19 августа 1882 г. (в документах встречается также указание на 1884, 1886, 1888 годы рождения) в селе Вязовка Вольского уезда Саратовской губернии в глубоко религиозной крестьянской семье. Он учился в церковно-приходской школе, затем получил специальности столяра и плотника в ремесленной школе. В 1908–1911 гг. служил в армии, демобилизовался в чине унтер-офицера, затем крестьянствовал. В 1914 г. был призван в армию, попал в австрийский плен, вернулся в Россию уже после революции, в сентябре 1919 г. Вскоре организовал в родных местах сельскохозяйственную коммуну. За четыре года «коммунарам» удалось построить семь домов, амбар, водяную мельницу; начали строить общежитие на 300 человек, развели скот (30 лошадей, 20 коров, 350 овец), хлебопашествовали, возродили заброшенный в годы гражданской войны барский яблоневый сад. К 1922 г. в коммуне состояло 280 крестьян, из них 30 одиноких, а остальные семейные. Однако это была не просто сельхозкоммуна, а религиозное сообщество. По утверждению ближайшего помощника епископа Агафангела и его двоюродного брата архимандрита Агафангела (Садовскова), будущий епископ вскоре по возвращении из плена «обработал» его в религиозном отношении и «приступил к созданию нелегального иоаннитского церковного течения. Сначала А. М. Садовсков организовал в с. Вязовке Куриловского р[айо]на Саратовского края трудовую коммуну, руководя духовной жизнью ее в религиозном направлении»⁶⁹. Опираясь на показания, данные на следствии по делу иоаннитского подполья, нельзя однозначно утверждать, что коммуна действительно была традиционной иоаннитской общиной, поскольку в ней не было сектантских элементов в вероучении (обожествления протоиерея Иоанна Кронштадтского, отрицания брака) и, кроме того, епископ Агафангел заявлял позже на следствии, что никакого отношения к иоаннитам В. Ф. Пустошкина никогда не имел и их взглядов не разделял. В то же время в жизни коммуны действительно была религиозная составляющая, поскольку после появления обновленческого раскола среди ее членов началась внутренняя борьба и разделение на две группы. Андрей Садовсков выступил против обновленцев, но их поддержал приходской священник, перешедший в раскол, и в 1924 г. А. М. Садовсков вынужден был бежать из коммуны «в одной рубахе и в лаптях»; с семьей и близкими родственниками он пошел пешком на Кавказ. Через два месяца они достигли берега Черного моря у Туапсе и поселились в станице Белореченской, где мужчины занялись плотницким ремеслом. Работая по ремонту частных домиков в Алексеевском монастыре, находившемся в горах в 18 верстах от Туапсе, они познакомились с благочинным иеромонахом Иовом (Афанасьевым). «В процессе моего знакомства и встреч с Иовом, — написал позже епископ Агафангел, — он мне стал внушать о необходимости примкнуть к его, Иова, церковной ориентации, которая определялась и выражалась в — как я его понял — крайне правом церковном монархическом течении, опирающемся на патриарха Тихона, к которому он, Иов, неоднократно выезжал в Москву для получения инструкций и указаний. В одной из своих бесед со мною, когда Иов меня уже достаточно подготовил и обработал, он мне предложил принять сан священника, мотивируя это

⁶⁹ Архив УФСБ РФ по Респ. Татарстан. Д. 2-19901. Л. 22–22об.

необходимостью защиты, как он говорил, и спасения России, т. е. православной Церкви, которую могут спасти не продажные епископы и священники, а сами истинно верующие»⁷⁰. Под влиянием подобных бесед А. М. Садовсков решился принять монашество и духовный сан. Иеромонах Иов постриг его в монашество с именем Агафангел; одновременно монашество приняла и его жена Наталья с именем Серафима. Иерейскую хиротонию совершил в Мцхете Великим постом 1925 г. епископ Павел (Джапаридзе).

Об обстоятельствах своей хиротонии во священника епископ Агафангел рассказывал следующее: «В Мцхет я с Иовом выехали как-то, помню, зимой, перед Пасхой. Должен уточнить, что, прежде чем поехать к епископу Павлу (Джапаридзе) (так в рукописи. — *Н. З.*), Иов сообщил ему о том, что он подготовил меня для своей организации и просил рукоположить в священники. Приехав к епископу Павлу Джапаридзе, Иов представил меня этому епископу, который сразу почему-то не дал своего согласия на мое рукоположение, а посоветовал обратиться к присланному патриархом Тихоном в Эривань епископу Антонию (Романовскому, с 30.11.1924 г. викарию Эриванскому, временно управляющему Сухумской епархией. — *Н. З.*)... причем дал ему, Антонию, свое письмо с просьбой рукоположить меня в сан священника. Приехав к Антонию, который находился в монастыре в 30 км от ст. Садео, Иов вручил ему письмо епископа Павла, Антоний просил нас обождать, дав принципиальное свое согласие. Мы остались в этом монастыре ночевать. На следующий день Антоний нас позвал к себе для беседы, в процессе которой я усомнился в его праведности и преданности Русской Православной Церкви, так как он жил очень роскошной жизнью, не соответственной своему чину, я [все] бросил, и мы скоро уехали к епископу Павлу Джапаридзе. Должен сказать, что после свидания с епископом Антонием я уже не хотел ехать к епископу Павлу, но Иов все-таки опять мне внушил о необходимости принятия сана... епископ Павел нас задержал и пригласил в церковь на молитву и за обедней рукоположил меня в диакона, а на следующий день — в священники. После этого я с Иовом уехали домой»⁷¹.

По возвращении из Мцхеты иеромонах Агафангел поселился в Алексеевском монастыре, где обучался совершению церковной службы. Через непродолжительное время, после ликвидации монастыря благочинный о. Иов (Афанасьев) назначил его священником в «тихоновскую» домовую церковь на хуторе Школьном близ станицы Белореченской. Вскоре под влиянием обновленцев на приходе начались столкновения, в связи с чем Агафангела допрашивали в ОГПУ, но отпустили; открыто он больше не служил, занимаясь плотницким ремеслом и земледелием. Впоследствии он свидетельствовал: «...еще с тех пор как в церковных кругах с первых годов революции начались образования оппозиционных враждебных друг другу течений — обновленцы и тихоновцы, я прикнул к тихоновскому, истинно православному течению и до самого ареста... проводил — как служитель религиозного культа — священник, архимандрит,

⁷⁰ Архив автора.

⁷¹ Архив автора.

епископ — деятельность, направленную к сохранению влияния среди населения старого, тихоновского церковного течения»⁷².

Таким образом, во епископа для иоаннитов был рукоположен бывший руководитель религиозной коммуны в Саратовской губернии (возможно, иоаннитской общины, но из православных почитателей о. Иоанна Кронштадтского), активный противник обновленчества, приверженец св. Патриарха Тихона и староцерковничества, принявший монашество и духовный сан еще в 1925 г. под влиянием своего духовного наставника иеромонаха Иова (Афанасьева).

Хиротония епископа Агафангела (Садовскова) кардинальным образом изменила жизнь не только уфимской общины, но и ситуацию в иоаннитском движении России в целом. Преосвященный Агафангел придал иоаннитским общинам в Уфе, Златоусте, Бирске, Стерлитамаке, а позже и других местах правильное церковное устройство, укрепил их организационно, принял меры к преодолению сектантских элементов в вероучении. Все члены общины приняли от него монашество «тайного пострига». Некоторых иоаннитов епископ рукоположил в иеродиаконов или иеромонахов, и таким образом возникла трехчинная иерархия⁷³. Поддержанный большинством, архиерей разоблачил непотребства Варсонофия (Воронова), который был изгнан из общины и уехал из Уфы. «Агафангеловские» общины перестали подчиняться архимандриту Досифею (Пустошкину), в результате в иоаннитском движении произошел раскол с образованием автономного течения епископа Агафангела. Как показал на допросе в 1933 г. иоаннитский священник Кирилл Иванов, «иоанниты имеют два течения: одно течение, наиболее многочисленное, объединяется неким Пустошкиным, принявшим преемство от Иоанна Кронштадтского, еще при жизни последнего. Пустошкин проживает на нелегальном положении, и его место нахождения нам не известно. По сведениям, ему подчиняются несколько тысяч человек. Второе течение, к которому принадлежу я, возглавляется архиепископом Агафангелом... Это новое иоаннитское течение, возглавляемое Агафангелом... не подчиняется заместителю Иоанна Кронштадтского — Пустошкину, считая последнего неблагогодатным, как человека честолюбивого и любящего серебро. Ввиду этого Пустошкин обвиняет Агафангела в том, что он якобы превосхитил его власть. Со слов Агафангела мне известно, что по этим причинам Пустошкин посылал несколько раз своих людей к Агафангелу под предлогом переговоров об объединении, с целью убить Агафангела, как вносящего смуту в среду иоаннитов»⁷⁴. Епископ Агафангел говорил на следствии: «...еще до 1933 года в бытность мою на свободе, в руководимой мною нелегальной церковнической организации находилось большое количество б[ывших] участников нелегальной церковнической организации иоаннитов, руководимой неким архимандритом Пустошкиным. Лично я с организацией Пустошкина находился в оппозиционном отношении; чтобы расколоть организацию иоаннитов, я путем личного влияния сумел переманить

⁷² Архив УФСБ РФ по Респ. Татарстан. Д. № 2-19901. Л. 154.

⁷³ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-14918. Л. 16; Д. ВФ-17639. Л. 44, 48, 68 об., 162.

⁷⁴ Там же. Д. ВФ-17639. Л. 1, 3.

в свою организацию многих иоаннитов»⁷⁵. В 1929 г. своими сторонниками епископ Агафангел был возведен в сан «архиепископа» — главы иоаннитов; в честь его дня ангела, мученика Агафангела Римлянина, 5 февраля (по новому стилю) «во всех иоаннитских подземельях» совершались торжественные богослужения⁷⁶. Следует заметить, что если признание Агафангела (Садовскова) епископом еще может быть предметом дискуссий, то его «архиепископство» — уже явное самозванство: возвести епископа в сан архиепископа имеет право только законная высшая церковная власть, но никак не его сторонники.

В иоаннитских общинах автономного течения не оставалось никаких элементов сектантского вероучения, при этом Иоанна Кронштадтского почитали великим святым и пророком, отчего его портреты располагались в алтарях молелен вместе с иконами и обычно после богослужения пели посвященный ему стих. На утверждение следствия о принадлежности к обычным иоаннитам и тесных связях с организацией Пустошкина епископ Агафангел ответил: «Категорически заявляю, что к нелегальной иоаннитской организации Пустошкина я не принадлежу и никакой связи с ними не имею. Никаких идейных совместных связей с организацией иоаннитов я не имел и их взглядов не разделял. Не отрицаю я того, что я чтил память И. Кронштадтского, считал его праведником, но и только. Никаких платформ на этой почве я не имел и проводил обыкновенную религиозную деятельность»⁷⁷. На богослужениях в общинах автономного течения велась проповедь об антихристовой природе советской власти и неизбежности ее падения, о приближении конца мира и Страшного Суда. Так, в проповедях в пермской общине епископ Агафангел «говорил об антихристе, что власть эта антихристова и наступает последнее время — скоро Страшный Суд, особенно подчеркивал 33-й год, не велел ходить молиться к обновленцам и в Тихоновские церкви, дескать, они все уже подписались к безбожникам, а поэтому нет у них и благодати... говорил еще, что все ориентации уже притянуты к безбожникам, только моя ориентация осталась незамазанной»⁷⁸. Следует отметить, что в послереволюционные десятилетия эсхатологическое измерение приобрела проповедь многих представителей староцерковнического духовенства, изгнанных из монастырей монашествующих, раскулачиваемых и выселяемых крестьян и прочего верующего народа.

Развитие течения епископа Агафангела пошло по пути формирования тайных, катакомбных общин, деятельность которых носила существенно более законспирированный характер, чем у традиционных иоаннитов. Члены общин прекращали посещение легально действовавших храмов и сооружали собственные тайные молельни («подземные», или «пещерные», церкви) в подвальных помещениях частных домов; вход в них устраивался через чулан или иные подсобные помещения и тщательно маскировался. Первую тайную молельню устроил сам епископ Агафангел в доме уфимской иоаннитской общины, оборудовав под полом подвал. Такие же моленные со временем были оборудова-

⁷⁵ Архив УФСБ РФ по Респ. Татарстан. Д. № 2-19901. Л.159.

⁷⁶ См.: Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 6.

⁷⁷ Архив УФСБ РФ по Респ. Татарстан. Д. № 2-19901. Л. 160 об.

⁷⁸ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-17639. Л. 33.

ны в домах иоаннитов в Златоусте, Молотове, Перми, Челябинске, Армавире, Баку и др. Богослужения происходили по ночам, начинаясь обычно в полночь. Помимо домов с тайными моленными, устраивались так называемые «убежища» — приобретенные на имена членов общин дома в разных городах. Известно, что в начале 1930-х гг. имелось три тайных убежища в Уфе (по ул. Некрасова, где проживала бывшая жена епископа Агафангела монахиня Серафима и его сын Николай; по ул. Свердлова и в Старой Уфе близ закрытого Благовещенского женского монастыря), одно в Вятке и одно в г. Вольске Саратовской области. Причиной полного ухода на нелегальное положение епископ Агафангел позже на допросе называл начавшиеся в 1929 г. в связи с коллективизацией массовые репрессии против православного духовенства, которые затронули и иоаннитов. Однако более важным фактором нелегального характера его деятельности являлась идеология епископа Иова (Афанасьева), сторонника ухода Церкви в катакомбы. При этом следует подчеркнуть, что, по данным клириков «сергиевского» течения и самих иоаннитов, епископ Агафангел не признавал епископа Андрея (Ухтомского) и выступал против «андреевской ориентации»⁷⁹.

Процесс образования новых общин проходил по схеме, отработанной иоаннитами еще до революции: в намеченное место приезжал член общины и покупал там дом, в который приезжали на жительство еще несколько человек; одни из них начинали проповедь в окрестных селениях, другие оборудовали тайную подземную молельню. Новые члены общины принимали монашеский постриг и становились насельниками возникающего тайного монастыря. Ряды автономного течения пополнялись также за счет остатков частично разгромленных в период коллективизации или развалившихся иоаннитских групп архимандрита Досифея (Пустошкина). Вот что о жизни «агафангеловских» общин в начале 1930-х гг. свидетельствовал священник Кирилл Иванов: «Мы, иоанниты, отличаемся от других верующих тем, что собственности не имеем, при посвящении в монашество все сдается в общее пользование в распоряжение старшего руководителя епископа, который уже и распоряжается всеми ценностями. Из этих фондов, хранящихся в тайных местах, выдается нуждающимся одежда, продукты и проч. <...> Посвященные “иоанниты” находятся больше всего в странствии, как благовестники слова Божия, под видом нищих. Просим милостыню ради Христа, во славу Божию. Православное духовенство и церкви считаем безблагодатными, так как они служат открыто и признают эту нехристианскую власть. В настоящих условиях мы признаем только тайное монашество и церкви (подземные)... Православные церкви “иоаннитами” посещаются, но мы ходим только помолиться к иконам, а служб не признаем... Отношение к легально существующей Церкви и ее служителям определяет и наше отношение к Соввласти как власти нехристианской, антихристовой»⁸⁰.

Начало 1930-х гг. явилось временем интенсивного распространения общин автономного катакомбного течения епископа Агафангела (Садовскова), которые появились на Урале (в Челябинске, Златоусте, Свердловске, Перми и Молотове — в начале 1930-х гг. это еще два разных города), в Поволжье (в Ульяновске

⁷⁹ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-14918. Л. 30.

⁸⁰ Там же. Д. ВФ-17639. Л. 5.

и Вятке), на Кубани (в Краснодаре, Майкопе, Ростове-на-Дону, в станицах), на Кавказе (в Баку, Грозном, Армавире) и стали составной частью катакомбного движения в СССР. Вопросы развития «агафангеловского» течения в 1930-е гг. и судьбы его участников в период «Большого террора» и последующие годы требуют отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: святой праведный Иоанн Кронштадтский, «иоанниты», епископ Андрей (Ухтомский), епископ Иов (Афанасьев), епископ Агафангел (Садовсков), катакомбное движение.

TOWARDS THE QUESTIONS ABOUT THE MOVEMENT OF «IOANITSTVO» IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE BEGINNING OF ITS CATACOMB MOVEMENT UNDER THE DIRECTION OF «ARCHBISHOP» AGAFANGEL (SADOVSKOV) IN THE 1920s

N.P. ZIMINA

The article covers the story of the «ioanitstvo» movement during the pre-revolutionary period and the first decade after the Bolshevik revolution. The author analyzes the sharp discussion concerning the definition and ideological origin of movement «joanitstvo». She studied the position of the religious devotees in relation to church collisions in the 1920s and established the fact of the consecration of a bishop for the movement by the hierarchs who had not given support to metropolitan Sergey (Stragorodsky). As the result of this event the generated independent movement under the direction of «archbishop» Agafangel (Sadovskov) became the part of a catacomb church movement in the USSR.

Keywords: Holy Righteous Joann Kronshtadtsky, «ioannits», bishop Andrei (Ukhtomsky), bishop Job (Afanasiev), bishop Agafangel (Sadovskov), Catacomb movement.